

Мари Корелли

СКОРБЬ САТАНЫ
♦
ВАРАВВА



Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 66

Marie Corelli
THE SORROWS OF SATAN
BARABBAS

Перевод с английского
Андрея Степанова, Елизаветы Кропоткиной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Егора Саламашенко

Корелли М.

К 66 Скорь Сатаны ; Варавва : романы / Мари Корелли ; пер. с англ. А. Д. Степанова, Е. Ф. Кропоткиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32864-8

Мари Корелли — творческий псевдоним английской писательницы Мэри Маккей (1855–1924). Ее роман «Скорь Сатаны» (1895) стал одним из крупнейших литературных событий Викторианской эпохи. Он имел чрезвычайный успех у читателей, побив все возможные рекорды продаж. Когда на писательницу ополчились критики, ее поддержал Оскар Уайльд, чей роман «Портрет Дориана Грея», написанный пятью годами ранее, во многом предвосхитил появление «Скорби Сатаны». Обратившись к популярному сюжету о сделке с дьяволом, Мари Корелли создала один из самых неоднозначных в мировой литературе образов Сатаны: это герой, не желающий зла, но творящий его, искушающий людей, но живущий надеждой на то, что они преодолеют свои желания и перестанут грешить. В романе «Варавва» (1893) писательница обратилась к событиям евангельской истории. Главным героем в нем становится преступник по имени Варавва, которого Понтий Пилат отпустил на свободу по требованию толпы вместо Иисуса Христа. Интересно, что перевод романа на русский язык был выполнен по личному распоряжению Николая II, очень высоко оценившего это произведение. И в наши дни романы Мари Корелли заслуженно пользуются любовью читателей.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. Д. Степанов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-32864-8

I

Знаете ли вы, что значит бедность? Не та надменная бедность, на которую жалуются некоторые люди, имеющие пять-шесть тысяч фунтов годового дохода и при этом уверяющие, что едва сводят концы с концами, а настоящая бедность — жестокая, безобразная, беспросветная, грязная и жалкая нищета? Бедность, которая заставляет вас носить один-единственный костюм, пока он совсем не вытрется, бедность, из-за которой у вас нет чистого белья, потому что нечем заплатить прачке, бедность, лишающая вас самоуважения и вынуждающая крадучись пробираться по улицам, вместо того чтобы гордо и непринужденно чувствовать себя среди своих собратьев, — вот какую бедность я имею в виду. Это тяжелое проклятие, подавляющее низкими заботами все благородные устремления. Это нравственный рак, разъедающий сердце человека, во всех остальных отношениях благонамеренного. Это то, что делает его завистливым, злобным и заставляет подумывать о динамите. Когда он видит праздную полную даму, проезжающую мимо в роскошной карете, лениво откинувшись на подушки, с лицом, идущим багровыми и красными пятнами от обжорства, когда он видит безмозглого и развратного светского хлыща, покуривающего и бездельничающего в парке, словно весь мир и миллионы честных тружеников созданы исключительно для случайного развлечения так называемых «высших» классов, — тогда здоровая кровь в нем обращается в желчь, поднимается в бунте его страдающий дух и раздается его крик: «Боже правый! Откуда такая несправедливость? Почему у никчемного бездельника карманы набиты золотом по воле случая — благодаря полученному наследству, а я, неустанно трудящийся с утра до полуночи, не могу даже прокормиться?!»

И правда — почему?! Отчего нечестивые должны процветать, как ветвь лавровая? Раньше я часто думал об этом. Однако теперь полагаю, что могу ответить на этот вопрос, исходя из своего личного опыта. Но... какого опыта! Кто поверит, что это было на самом деле? Кто поверит, что на долю смертного может выпасть нечто столь странное и ужасное? Нет, никто. И все же это правда, которая вернее многого из того, что принято считать правдой. Более того, наверняка подобные происшествия пережил не я один. Многим случалось оказаться под точно таким же влиянием и, возможно, иногда сознавать, что запутались в паутине греха. Но они слишком слабы волей, чтобы разорвать эту паутину, чтобы выйти из своей добровольной тюрьмы. Выучат ли когда-нибудь мои уроки те, кто проходит сейчас ту же жестокую школу, у того же грозного наставника? Постигнут ли они, как пришлось постичь мне, всем моим существом, тот обширный, единственный, деятельный Разум, который стоит за всем материальным и непрестанно, хотя и безмолвно, трудится? Примут ли они вечного и благого Бога? Если да, то рассеются темные тучи и казавшееся кривдой обернется чистейшей справедливостью! Но я не надеюсь убедить или просветить своих собратьев этими писаниями. Я слишком хорошо знаю их упрямство, поскольку могу оценить его по себе. Когда-то я был так горд, что мою самоуверенность не смог бы поколебать никто из смертных, и я знаю, что у других все обстоит точно так же. Поэтому я просто расскажу по порядку об обстоятельствах моей жизни так, как они складывались, предоставив более самоуверенным людям по мере сил ставить и решать вопросы о тайнах человеческого существования.

В жестокую зиму, надолго запомнившуюся своей арктической суровостью, когда гигантская волна холодного воздуха заключила в ледяные объятия не только счастливые Британские острова, но и всю Европу, я, Джеффри Темпест, в одиночестве жил в Лондоне, находясь почти что на грани голодной смерти. В наши дни голодный человек редко вызывает сочувствие, которого заслуживает, поскольку немногие ему верят. Наиболее недоверчивы только что наевшиеся до отвала богачи. Случается, что они даже улыбаются, услышав о голодающих, как будто это шутка, придуманная для их послеобеденного развлечения. Есть у людей света одно раздражающее свойство — неспособность

к сосредоточенному вниманию, так что, задавая вопрос, они не ждут и не понимают ответа. Услышав о том, что кто-то умер от голода, они только рассеянно пробормочут: «Какой ужас!» — и тут же перейдут к обсуждению чьей-то последней «причуды», чтобы убить время, прежде чем время убьет их самих чистой *entui*¹. Известие о том, что кто-то действительно голодает, звучит грубо, низко и не может служить темой для разговора в приличном обществе — том обществе, которое всегда съедает больше, чем следует. Однако в то время, о котором идет речь, я — кому позднее завидовали столь многие — слишком хорошо знал жестокое значение слова «голод». Я знал назойливую боль, нездоровую слабость, смертельное оцепенение, ненасытную жажду, животную тягу к простой пище — все эти ощущения, ужасные для бедняков, привыкших к их ежедневному повторению, но которые, быть может, еще более мучительны для человека благородного воспитания, считающего себя — о Боже! — «джентльменом». И я чувствовал, что не заслужил того несчастного положения, в каком оказался. Я много трудился. С тех пор как умер мой отец и обнаружилось, что его состояние, вплоть до последнего пенса, уйдет толпе кредиторов и что от всего нашего дома и имущества мне осталась одна только инкрустированная драгоценными камнями миниатюра моей матери, скончавшейся, когда я появился на свет, — с тех пор я впрягся в работу и трудился от темна и до темна. Я дал своему университетскому образованию то единственное применение, к которому оно оказалось пригодным: занялся литературным трудом. Я обратился почти во все лондонские газеты и журналы, надеясь стать сотрудником, но одни отказывались, другие соглашались взять меня на испытательный срок, и никто не предлагал мне постоянного жалованья. К человеку, решившему положиться на собственный ум и перо, в начале его карьеры относятся чуть ли не как к изгою. Он никому не нужен, его все презирают. Его потуги высмеиваются, рукописи возвращаются непрочитанными, и общество беспокоится о нем меньше, чем о заключенном в тюрьму убийце. Тот, по крайней мере, сыт и одет, его навещает почтенный священнослужитель, и надзиратель изредка снисходит до того, чтобы сыграть с ним в карты. Но человек, одаренный оригинальными мыслями

¹ Скукой, внутренней опустошенностью (*фр.*).

и талантом их выражать, кажется властям предержавшим кем-то худшим, чем самый отъявленный преступник, и «тузы общества» объединяются, чтобы сжить его по мере возможности со свету. Я принимал пинки и побои в угрюмом молчании и продолжал влачить свое существование не из любви к жизни, а просто потому, что презирал самоуничтожение как трусость. Молодость не позволяла мне так просто распрощаться с надеждой. Смутное представление, что придет и моя пора, что вечно вращающееся колесо Фортуны, быть может, когда-нибудь вознесет меня ввысь, как теперь опускает вниз, оставляло мне лишь усталую способность продолжать жить, не более. В течение примерно полугода я сотрудничал в качестве обозревателя в известном литературном журнале. Мне присылали для написания рецензий до тридцати романов в неделю. Я бегло просматривал примерно десяток и писал страничку трескучей ругани в адрес этих случайно выбранных авторов, а прочих обходил молчанием. Оказалось, что такой образ действий почитался «умным», и в течение какого-то времени мне удавалось угождать главному редактору, который платил мне от своих щедрот пятнадцать шиллингов в неделю. Но затем я совершил роковую ошибку: я изменил своей тактике и горячо расхвалил произведение, показавшееся мне превосходным и действительно оригинальным. Автор оказался давним врагом издателя моего журнала. На мою беду, хвалебный отзыв в адрес нежелательного автора был напечатан, личная злоба перевесила общественную справедливость — и я был немедленно уволен.

После этого я перебивался кое-как, выполняя поденную работу для ежедневных газет и пробавляясь обещаниями, которые так и не воплощались в жизнь, пока, как уже было сказано, в самом начале упомянутой суровой зимы не обнаружил себя перед лицом голодной смерти, буквально без гроша в кармане, задолжав месячную арендную плату за бедную квартирку в глухой улочке недалеко от Британского музея. Целыми днями бродил я из одной газетной редакции в другую в поисках заработка и не находил ничего. Все вакансии были заняты. Кроме того, я безуспешно пытался пристроить собственную рукопись — художественное произведение, которое, как мне казалось, имело некоторое достоинство, но которое все «чтецы» в издательствах на-

ходили никуда не годным. Эти «чтецы», как выяснилось, и сами в большинстве были романистами, в свободное время оценивавшими чужие произведения. В таком положении вещей мне виделась явная несправедливость: по-моему, это просто способ возвращать посредственности и подавлять оригинальный талант. Здравый смысл указывает на тот факт, что «чтец»-романист, добившийся определенного положения в литературе, скорее поощрит какую-нибудь эфемерную безделку, чем произведение, обладающее большими достоинствами, чем его собственные сочинения. В любом случае, независимо от того, хороша или дурна подобная система, она была убийственна для меня и для моих произведений. Последний издатель, с которым я имел дело, был добрый человек, посмотревший на мой поношенный костюм и изможденное лицо с некоторым сочувствием.

— Мне очень, очень жаль, — сказал он, — но мои «чтецы» совершенно единодушны. Из того, что я прочел сам, мне показалось, что вы слишком серьезны. А также чрезмерно саркастичны в некоторых выпадах против общества. Дорогой мой, так не пойдет. Никогда не вините общество, ведь именно оно покупает книги! Вот если бы вы могли написать модную любовную историю, немного, знаете ли, *risqué*¹, и даже более чем *risqué*, если уж на то пошло. Вот это для нашего времени...

— Простите, — устало перебил я. — А вы уверены, что действительно знаете вкусы читателей?

Он улыбнулся вежливо и снисходительно: по-видимому, его позабавило проявленное мной невежество.

— Разумеется, — ответил он, — ведь это моя работа: знать вкус публики так же хорошо, как собственный карман. Поймите, я не предлагаю вам написать книгу на какую-нибудь уж совсем неприличную тему, которую можно смело рекомендовать только женщине из «новых», — тут он засмеялся, — но поверьте мне, что ваша высоколобая художественная литература не продается. Прежде всего, она не нравится критикам. А что обязательно понравится и им, и читающей публике, так это реалистическая история несколько сенсационного характера, рассказанная скучным газетным языком. Литературный английский — аддисоновский английский — воспринимается как одна сплошная ошибка.

¹ Здесь: вольную (фр.).

— И я тоже одна сплошная ошибка, — сказал я с натянутой улыбкой. — Во всяком случае, если то, что вы говорите, правда, то я должен положить перо и заняться другим делом. Я настолько старомоден, что считаю Литературу высшим из человеческих занятий и не хотел бы присоединяться к тем, кто сознательно унижает ее.

Издатель бросил на меня быстрый взгляд — пренебрежительный и в то же время недоверчивый.

— Ну-ну! — произнес он после паузы. — А вы, я смотрю, не чужды донкихотства. Но это пройдет. Не желаете ли сходить со мной в клуб поужинать?

Я отверг это приглашение не раздумывая. Мой собеседник несомненно понимал, в каком жалком положении я нахожусь, и гордость — ложная гордость, если угодно, — пришла мне на помощь. Торопливо попрощавшись, я забрал отвергнутую рукопись и вернулся к себе домой. Квартирная хозяйка встретила меня внизу у лестницы и спросила, не буду ли я «так любезен» расписаться с ней на следующий день. Она была достаточно вежлива, бедняжка, в ее голосе и позе чувствовалась сострадательная нерешительность. Хозяйка явно жалела меня, и это уязвило мою душу не меньше, чем задевшее гордость предложение издателя отобедать. С дерзкой самоуверенностью я тотчас пообещал ей вернуть деньги в срок, ею самой назначенный, хотя не имел ни малейшего понятия, где и как добыть требуемую сумму.

Распростившись с хозяйкой и запершись в своей комнате, я швырнул бесполезную рукопись на пол, рухнул на стул и — выругался. Брань освежила меня — что казалось естественным, ибо, хотя я и ослабел от недоедания, но не настолько, чтобы проливать слезы, а свирепая грозная ругань принесла мне то же физическое облегчение, какое приносят рыдания разволновавшейся женщине. Но я не мог проливать слезы, и точно так же не мог обратиться в своем отчаянии к Богу. Честно говоря, я и не верил ни в какого Бога — *в то время*. Сам себе я казался самодостаточным человеком, презирающим ветхие суеверия так называемой религии.

Разумеется, я был воспитан в христианской вере, но она лишилась в моих глазах всякой ценности с тех пор, как я осознал, насколько бесполезны священнослужители при решении труд-

ных жизненных проблем. Духовно я плыл по течению хаоса, ни в мыслях, ни в делах я не был способен на нечто значительное, а физически был доведен до крайности. Случай отчаянный, в отчаянии я и пребывал.

Если добрые и злые ангелы действительно могут сыграть в азартную игру за человеческую душу, то наступил один из таких моментов: они, несомненно, кидали кости в последний раз. И, несмотря на это, я чувствовал, что сделал все, что мог. Меня загнали в угол мои ближние, пожалев для меня жизненного пространства, но я не смирялся и продолжал бороться. Я честно и терпеливо трудился — как оказалось, зря. Мне доводилось видеть наживших горы денег мошенников и накопивших большие состояния подлецов. Их процветание наводило на мысль, что честность — не лучший выбор. Что же тогда делать? Как приступить к иезуитскому злу так, чтобы получить из него благо — мое собственное благо? Вот каким скучным мыслям я предавался, если только подобные блуждающие фантазии отупевшего ума заслуживают называться мыслью.

Ночью было ужасно холодно. Руки у меня онемели, и я попытался согреть их у керосиновой лампы, которую хозяйка разрешала мне использовать, несмотря на задержку квартирной платы. При этом я заметил на столе три письма: одно в продолговатом синем конверте, наводящем на мысль о какой-то повестке или о возвращенной рукописи, второе — с мельбурнским почтовым штемпелем, а третье — объемистое послание в квадратном конверте с красно-золотой коронкой на обороте. Я равнодушно перебрал все три письма и, выбрав то, что пришло из Австралии, помедлил несколько мгновений, прежде чем распечатать. Я знал, от кого оно было, и лениво гадал, какие в нем содержатся вести. Несколько месяцев назад я написал подробный отчет о своих растущих долгах и прочих затруднениях старому приятелю, однокурснику по университету. Решив, что Англия слишком тесна для его амбиций, он отправился в более просторный Новый Свет, рассчитывая разбогатеть на добыче золота. Насколько мне было известно, дела у него шли хорошо, он добился довольно солидного положения, и потому я осмелился прямо попросить у него взаймы пятьдесят фунтов. Письмо, без сомнения, содержало ответ, и я мешкал, прежде чем сломать печать.

— Конечно, там отказ, — сказал я сам себе вполголоса. — Как бы добр ни был друг, стоит попросить у него займы, и он проявит черствость. Он выразит глубокое сожаление, будет сетовать на упадок торговли и вообще на плохие времена, выразит надежду, что я скоро «выкарабкаюсь». Знаю я все это. Так, в конце концов, стоит ли ожидать, что этот человек окажется непохож на других? У меня нет к нему никаких претензий, только несколько воспоминаний о славных деньках, совместно проведенных в Оксфорде.

Я невольно вздохнул, и взор мой на мгновение затуманился. Снова увидел я серые башни мирной Магдалины, салатного цвета деревья, бросающие тени на дорожки в милом моему сердцу старинном университетском городке, где мы — я и тот, чье письмо я сейчас держал в руке, — прогуливались вместе, счастливые и юные, воображая, что мы молодые гении, призванные возродить этот мир. Мы оба любили классику, с жадностью впитывали слова Гомера, мысли и изречения бессмертных греков и римлян, и я искренне верю, что в те дни надежд мы думали, что в нас есть нечто, свойственное только героям. Но, едва выйдя на общественную арену, мы лишились возвышенного самомнения, увидев, что являемся рядовыми работниками, не более. Рутинный труд и проза жизни отодвинули Гомера на задний план, и вскоре мы убедились, что общество куда больше интересуется последний громкий скандал, чем трагедии Софокла или мудрость Платона. Что ж! Несомненно, с нашей стороны было чрезвычайно глупо мечтать о важной роли в возрождении человечества — поприще, на котором потерпели неудачу и Платон, и сам Христос. Однако и самый закоренелый циник вряд ли стал бы отрицать, что приятно оглянуться на дни юности, если это внушает мысль: «Ну хоть тогда, хоть раз в жизни у тебя были благородные порывы!»

Лампа коптила, и мне пришлось подправить ее, прежде чем сесть и прочитать письмо друга. За стеной кто-то играл на скрипке, и играл хорошо. Нежно и в то же время живо извлекал ноты смычок, и я умиротворенно слушал. От голода я совсем изнемог и находился в каком-то вялом состоянии, граничащем с оцепенением, — и пронзительная сладость музыки, вызвавшая только к эмоциям и чувству прекрасного, усыпила на какое-то время жаждущее пищи животное.

— Взять хоть тебя, — бормотал я, обращаясь к невидимому музыканту. — Ты играешь на этой твоей милой скрипке, — без сомнения, за сущие гроши, которые едва поддерживают твою жизнь. Может быть, ты какой-нибудь бедолага из дешевого оркестра или уличный музыкант и живешь в этом месте по соседству с умирающим от голода «джентльменом»... Разве есть у тебя надежда на то, чтобы «войти в моду» и сразу зажить лучше или попасть в придворные музыканты? А если ты все же лелеешь такую надежду, то совершенно зря. Играй, мой друг, играй! Звуки твоей скрипки так приятны и, слушая их, кажется, что ты счастлив. Так ли это? Или может быть, ты, подобно мне, катишься к Дьяволу в пропасть?

Музыка стала тише и жалобнее, и теперь ей вторил стук градин по оконным стеклам. Порывистый ветер завывал под дверью и ревел в каминной трубе. Это был ветер холодный, как хватка смерти, и пронизывающий, как острый нож.

Я вздрогнул и, склонившись над коптящей лампой, обратился к своим австралийским новостям. Когда я разрезал конверт, на стол выпал чек на пятьдесят фунтов, который следовало обналичить в известном лондонском банке. Сердце мое дрогнуло от облегчения и благодарности.

— Ах, Джон, старина, как я мог дурно о тебе подумать?! — воскликнул я. — Нет, ты сохранил доброе сердце!

И, глубоко тронутый щедростью друга, я с жадностью прочел его письмо. Оно оказалось не очень длинным и, видимо, было написано в спешке.

Дорогой Джефф,
мне было грустно узнать, что тебе не везет в жизни. Какое же количество глупцов все еще процветает в Лондоне, если человек с твоими способностями не может занять подобающее ему место на литературном поприще и получить достойное признание! Полагаю, все дело в интригах, а деньги — единственное, что может им противостоять. Прилагаю пятьдесят фунтов, о которых ты просил. Не торопись их возвращать. Хочу сделать для тебя в этом году действительно доброе дело: послать тебе друга, и заметить — настоящего, а не притворного! Он принесет рекомендательное письмо от меня, и, поверь мне, старина, лучшее, что ты

можешь сделать, — это предать и самого себя, и свои литературные дела полностью в его руки. Он знаком со всеми и знает все уловки редакций и газетных кланов. Кроме того, он большой филантроп и, кажется, особенно любит общество духовенства. Тебе может показаться, что у него довольно странный вкус, но причина его предпочтений — как он сам откровенно объяснил мне — состоит в огромном богатстве, с которым он просто не знает, что делать. Достопочтенные джентльмены из церкви, как правило, готовы подсказать ему, куда потратить часть из средств. Он всегда рад, если его деньги и влияние (а он очень влиятелен!) оказываются полезны другим. Мне он помог с весьма серьезным делом, и я в большом долгу перед ним. Я ему рассказал, какой ты умный малый и на каком счету ты был в нашей дорогой Alma Mater, и он обещал поспособствовать твоему успеху. Он может достичь всего, чего пожелает, и это вполне понятно в мире, где и нравы, и достижения цивилизации, и все прочее подчиняются власти денег, а его богатство кажется неисчерпаемым. Воспользуйся его помощью: ведь он сам этого желает и к этому готов, — а затем дай мне знать, как обстоят дела. Что касается пятидесяти фунтов, то не беспокойся о них, пока трудные времена не останутся позади.

Всегда твой,

Боффлз

Я рассмеялся, увидев нелепую подпись, хотя глаза мои едва не застлала слезы. Боффлз — прозвище, которое дали моему другу товарищи по колледжу, и ни он, ни я не знали, откуда оно взялось. Как бы там ни было, никто, кроме преподавателей, никогда не обращался к нему по имени: Джон Каррингтон. Для всех он был просто Боффлз и остался таковым до сего дня для всех своих близких. Я сложил и спрятал письмо вместе с чеком на пятьдесят фунтов и, прогнав удивление по поводу не знающего счета деньгам «филантропа», принял за два других письма. Теперь я с облегчением сознавал: что бы ни случилось, я могу выполнить свое обещание и завтра же рассчитаться с хозяйкой. А еще я мог заказать ужин и разжечь огонь, чтобы в комнате стало повеселее. Но прежде чем обратиться к этим земным благам, я вскрыл длинный синий конверт, напоминавший грозную повестку в суд, и, развернув лист бумаги, уставился на него в полном изумлении.

Что это?!

Буквы плясали у меня перед глазами. Озадаченный, сбитый с толку, я ловил себя на том, что вновь и вновь перечитываю строки, как будто не понимая их совершенно ясного содержания. Вскоре смысл дошел до меня и поразил мои чувства, как удар током...

Нет! Это невозможно! Фортуна никогда не выкидывала более безумного трюка! Никто и никогда еще не становился предметом такой дикой гротескной шутки! Должно быть, меня разыгрывали... а между тем... если это была и шутка, то замечательно искусная! Шутка, наделенная всей силой закона!.. Сколь бы причудливой и фантастической ни была судьба, правящая делами человеческими, новость казалась очень правдивой!

II

С трудом успокоившись, я еще раз внимательнейшим образом перечитал документ, и мое изумление только усилилось. Наверное, я сошел с ума? Нет ли у меня высокой температуры? Может ли это невероятное, это удивительное известие действительно быть правдой? Потому что... если бы это было правдой... Боже мой! Да от одной мысли об этом кружилась голова... Одна только сила воли удерживала меня от обморока, столь велики были волнение, изумление и восторг. Если бы это оказалось правдой — тогда весь мир лежал бы у моих ног! Из нищего я превратился бы в короля. Стал бы кем только пожелал бы стать! В письме — удивительном письме, украшенном вензелем известной лондонской юридической компании, — в скупых и точных выражениях объявлялось, что дальний родственник моего отца, о котором я слышал разве что в детстве, да и то крайне редко, внезапно скончался в Южной Америке, оставив меня своим единственным наследником.

Недвижимое и движимое имущество оценивается в настоящее время более чем в пять миллионов фунтов стерлингов, и мы сочтем за честь, если Вы соблаговолите зайти к нам в любой день на этой неделе, чтобы мы могли вместе выполнить необходимые формальности. Большая часть наличных денег хранится в Банке

Англии, другая значительная часть размещена в ценных бумагах французского правительства. Мы предпочли бы обсудить дальнейшие детали с Вами лично, а не путем переписки. В надежде, что Вы, досточтимый сэръ, свяжетесь с нами незамедлительно, остаемся вашими покорными слугами...

Пять миллионов! Мне, голодающему литературному поденщику, не имеющему ни друзей, ни надежд, обивающему пороги низких газетных притонов, мне достается «более пяти миллионов фунтов стерлингов»! Я пытался осознать это поразительное известие — ибо оно, по всей видимости, было реальностью, — но никак не мог. Оно казалось диким бредом, следствием головокружения и тумана перед глазами, происходившими от недостатка пищи. Я оглядел комнату: убогая жалкая мебель, нерастопленный камин, грязная лампа, хлипкая низкая кровать — все свидетельствовало о нужде, доходящей до нищеты. Какой контраст между окружавшей меня бедностью и только что полученным известием! Дичайшее, нелепейшее несоответствие, о котором никто никогда не слыхивал, которого никто и вообразить бы не смог!

Я разразился хохотом...

— Случался ли когда-либо раньше столь безумный каприз Фортуны?! — вскричал я. — Кто бы мог подумать! Боже! Меня! Из всех людей на свете именно меня избрало Провидение! Клянись Небом! О, если все это правда, то я не заставлю себя ждать! Теперь все это общество завертится, как волчок, от одного движения моей руки!

И я вновь расхохотался. Я смеялся так же, как прежде бранился: просто чтобы облегчить душу. И тут послышался ответный смех, который, казалось, вторил моему. Я испуганно смолк и прислушался. За окном лил дождь и ветер завывал, как сварливая карга. Скрипач по соседству отработывал на своем инструменте блестящую руладу, мелодия взлетала вверх и падала вниз. Но других звуков, кроме этих, слышно не было. И все же я был готов поклясться, что различил громкий мужской смех где-то совсем неподалеку.

— Должно быть, почудилось, — пробормотал я, прибавляя в лампе огня, чтобы осветить комнату. — Должно быть, я слыш-

ком разволновался, да это и неудивительно! Бедняга Боффлз! Добрый старый друг!

Я вспомнил о чеке на пятьдесят фунтов, который всего несколько минут назад казался мне манной небесной.

— Какой сюрприз для тебя, Боффлз! Не успел ты отправить мне денег взаймы, как получишь их обратно, да еще с добавкой в пятьдесят процентов за щедрость. А что касается нового мецената, которого ты рекомендовал мне в качестве помощника в затруднениях, то, должно быть, это превосходный старый джентльмен, но на этот раз он остается не у дел. Мне не нужно ни помощи, ни совета, ни покровительства, я могу купить все! Титулы, почести, имущество — все это можно купить! Любовь, дружба, положение в обществе — все это продается в наш восхитительный коммерческий век. Все достанется тому, кто предложит наивысшую цену. Клянусь душой, твоему состоятельному «меценату» будет непросто сравняться со мной! Держу пари, что у него не найдется пяти миллионов на то, чтобы потратить их впустую! А теперь надо подумать об ужине. Мне придется жить в долг, пока я не получу наличные. И кстати, почему бы мне не покинуть эту убогую дыру прямо сейчас и не отправиться в лучшую из гостиниц!

Исполненный волнения и радости, я собирался уже выйти из комнаты, как вдруг свежий и сильный порыв ветра попал в каминную трубу. Клубы копоти обрушились на мою отвергнутую рукопись, которая так и лежала забытая на полу — там, где я бросил ее в отчаянии. Я торопливо поднял ее и принялся стряхивать мерзкую сажу, гадая при этом, какой окажется теперь судьба моего сочинения? Теперь, когда я мог себе позволить не только издать его сам, но и обеспечить рекламой, да не просто разрекламировать, а вызвать к нему интерес с помощью тех хитроумных способов, которые имеют конечным результатом то, что в издательских кругах именуют «фурором»! Я улыбался при мысли, как отомщу всем тем, кто пренебрегал мной и моим трудом. О, как они теперь будут посрамлены! Как начнут пресмыкаться у моих ног, словно побитые псы, как будут скулить, как бесстыдно лстить! Все жестокосердные склонятся предо мной! Я был уверен в этом, и хотя деньги побеждают и не всегда, но они терпят неудачу, только если не направляются умом. Совместными

усилиями разум и капитал способны перевернуть мир. Ведь это часто удается и одному только уму, без денег, а такое серьезное и доказанное обстоятельство следует принимать во внимание тем, у кого нет ума!

Занятый своими честолюбивыми устремлениями, я тем не менее то и дело улавливал теперь уже дикие звуки скрипки соседа: ноты, похожие на всхлипывания от боли, которые сменял беспечный женский смех. Вдруг я вспомнил, что еще не открыл третье письмо, увенчанное ало-золотой коронкой. Оно так и лежало, забытое на столе. Я взял его и, чувствуя едва ли не в самих пальцах какую-то странную неохоту, стал неспешно вскрывать плотный конверт. Достав оттуда не менее плотный лист писчей бумаги (также украшенный коронкой), я прочитал следующие строки, написанные превосходным — разборчивым, мелким и выразительным — почерком:

ДОРОГОЙ СЭР,

я имею на руках рекомендательное письмо от Вашего бывшего соученика по университету мистера Джона Каррингтона, проживающего ныне в Мельбурне, который был столь любезен, что предоставил мне возможность познакомиться с человеком, наделенным, насколько мне известно, исключительным литературным даром. Я зайду к Вам сегодня вечером между восемью и девятью часами. Надеюсь застать Вас дома и незанятым. Прилагаю свою карточку и адрес, по которому я проживаю в настоящий момент.

Остаюсь искренне преданным Вам,

Лусио Риманес.

Визитная карточка выпала из конверта на стол, когда я закончил читать письмо. На ней была маленькая, изящно выгравированная коронка и надпись:

КНЯЗЬ ЛУСИО РИМАНЕС

Ниже был небрежно нацарапан карандашом адрес в «Гранд-отеле».

Я перечитал послание еще раз. Оно было написано достаточно просто, ясно и вежливо. В нем не было ничего примечательно, ничего особенного, и все же оно показалось мне весьма мно-

гозначительным — непонятно почему. Характерный смелый почерк странным образом задерживал мой взгляд, и казалось, что человек, написавший это письмо, должен мне понравиться. А ветер тем временем ревел и соседская скрипка завывала, словно мятущийся дух какого-то погибшего в мучениях забытого музыканта!

Сознание мое помутилось, сердце упало. Капли дождя снаружи звучали, как крадущиеся шаги некоего шпиона, следившего за всеми моими движениями. Я сделался раздражительным и нервным. Предчувствие зла отчего-то омрачило светлый праздник внезапного счастья. Но тут я испытал прилив стыда — за то, что этот иностранный князь, если он действительно являлся таковым, да еще и несметный богач придет навестить меня — меня, теперь уже миллионера! — в столь убогом жилище. Еще даже не вступив во владение своим состоянием, я оказался охвачен жалким мещанским желанием притвориться, что никогда не был действительно беден, а только испытывал временные финансовые трудности! Если бы у меня имелся в кармане хотя бы шестипенсовик (а у меня его не было), я послал бы телеграмму своему будущему посетителю с просьбой отложить визит.

— Но в любом случае, — произнес я вслух, обращаясь к пустой комнате и отголоскам бури, — не следует встречаться с ним сегодня вечером. Я уйду, не оставив записки, а если он явится, пусть подумает, что я еще не получил его письма. Договорюсь о встрече, когда устроюсь получше и оденусь в соответствии со своим новым положением. Впрочем, нет ничего легче, чем держаться подальше от этого так называемого благодетеля.

Не успел я закончить свою речь, как мерцавшая лампа, злое еще вспыхнув, погасла, и я остался в кромешной тьме. Я издал вопль — отнюдь не благоговейный — и принялся разыскивать спички или, если они не обнаружатся, шляпу и пальто. Эти досадные и бесплодные поиски все еще продолжались, когда послышался стук копыт приближающихся галопом лошадей. Затем этот звук оборвался: кони остановились под моим окном. Окруженный мраком, я замер и прислушался. Внизу засуетились: слышался нервно-учтивый говорок моей хозяйки, который смешивался с мягкими переливами низкого мужского голоса. Но вот на лестничной площадке перед моей дверью слышались твердые и ровные шаги.

— Что за дьявольщина! — досадливо пробормотал я. — Прямо как моя своенравная удача! Сюда идет тот самый человек, от которого я хотел ускользнуть!

III

Дверь отворилась, и в окружающей меня мгле я различил силуэт стоявшего на пороге гостя. Я хорошо помню замечательное впечатление, которое произвели на меня тогда одни только очертания едва видимой фигуры. С первого взгляда меня так заворожила величественность его роста и осанки, что я не мог оторвать от него глаз и почти не слышал слов квартирной хозяйки:

— Этот джентльмен желает вас видеть, сэр!

Впрочем, она тут же сбилась и что-то смущенно пробормотала, увидев, что комната моя совершенно темна.

— Ах, Боже мой! Должно быть, керосин весь вышел! — воскликнула она, а затем, обратившись к господину, которого сопровождала, добавила: — Боюсь, мистера Темпеста все-таки нет дома, сэр, хотя я точно видела его около получаса назад. Если вы не против подождать здесь минутку, я принесу лампу и посмотрю, не оставил ли он записку на столе.

Она поспешно вышла. Я понимал, что пора что-то сказать, но странный и необъяснимый каприз заставлял меня молчать. Отчего-то мне совсем не хотелось объявлять о своем присутствии. Тогда высокий незнакомец шагнул вперед, и звучный голос не без насмешки окликнул меня по имени:

— Джеффри Темпест, вы здесь?

Почему я не ответил? Странное противоестественное упрямство связало мне язык, и я молчал, спрятавшись во мраке своей жалкой писательской норы. Меж тем величественная фигура приблизилась и, казалось, совсем затмила меня. Голос снова позвал:

— Джеффри Темпест, вы здесь?

Чувство стыда не позволило мне больше таиться, и решительным усилием воли я преодолел необъяснимое заклятие немоты, из-за которого я, словно трус, безмолвно прятался в укрытии. Я смело выступил вперед и предстал перед моим гостем.

— Да, я здесь. Прошу прощения за прием, который вам оказываю. Вы князь Риманес, я полагаю? Я только сейчас прочел

ваше письмо и надеялся, что квартирная хозяйка, увидев темную комнату, решит, что я вышел, и проводит вас обратно вниз. Как видите, я с вами предельно откровенен!

— Да, действительно, — ответил незнакомец. В его низком, словно вибрирующем серебристым металлом голосе все еще чувствовалась насмешка. — Вы так откровенны, что вас невозможно не понять. Кратко и без экивоков вы дадите понять, что вам не по душе мое посещение и вы не хотели бы меня видеть!

Это прямое заявление о моем настроении прозвучало так резко, что я поспешил опровергнуть его, хотя сказанное им было правдой. Правда всегда кажется неприятной даже в мелочах!

— Пожалуйста, не сочтите меня грубияном, — сказал я. — Дело в том, что я прочел ваше письмо всего несколько минут назад, и, прежде чем я успел принять какие-либо меры, чтобы подготовиться к вашему визиту, внезапно погасла лампа. Это и привело к нынешней неловкой ситуации, когда я вынужден приветствовать вас в крошечной тьме, столь плотной, что мы даже не можем позвать друг друга руки.

— Попробуем? — предложил мой посетитель.

Тон его голоса внезапно смягчился, что придало его словам особое очарование.

— Вот моя рука, — продолжал он, — и если в вашей есть хоть немного дружеского инстинкта, то наши руки встретятся — вслепую и без всякого руководства!

Я тотчас протянул руку, и ее тут же пожала теплая и властная рука моего гостя. В этот момент комната осветилась: квартирная хозяйка принесла зажженную «лучшую лампу», как она ее называла. Поставив лампу на стол, она увидела меня и удивленно вскрикнула. Впрочем, возможно, она что-то сказала, но я не слушал, настолько зачаровал меня вид человека, чья длинная тонкая рука все еще держала мою.

Мой рост выше среднего, но гость был выше меня на целых полголовы, если не больше, и, глядя на него, я думал, что никогда еще не встречал человека, в чьем облике было бы такое же сочетание изящества и ума. Красивой формы голова, какая может быть только у сильного и мудрого человека, а плечи подошли бы самому Гераклу. Лицо овальное, чистое и необычайно бледное, причем эта бледность подчеркивала почти огненный блеск боль-

МАРИ КОРЕЛЛИ
СКОРБЬ САТАНЫ

•
ВАРАВВА

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Алиса Павлова, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.05.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45.08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



A-ILN-42184-01-R